

У ребятшек, живущих в двухэтажном старом доме недалеко от шинного завода, была большая радость: их общая любимца, дворовая собака Ласка, выбросила на белый свет четверых щенят. До этого она ночевала в подъездах, около сараев и вообще где придётся. Но уже страшила холодами осень, и первоклассник Петька Рукосуев предложил товарищам сколотить бездомной дворняге конуру. Работа шла споро. Мальчишки, всячески ухитряясь, таскали гвозди и доски, девчонки старательно натащили целый ворох старого тряпья. Примитивную конуру соорудили под большой деревянной горкой (на ней зимой катались на санках). Ласка жила во дворе дома давно, ребята к ней привыкли и очень любили. А тут ещё четыре щенка! На второй день после «родов» она лежала уже в конуре и ласково облизывала своих чёрно-белых питомцев. Это была обыкновенная, упитанная, чёрная и не очень старая дворняга, каких очень много на нашей планете...

После школы несколько мальчишек и девчонок столпились у будки. Одни брали щенков на руки, другие просто смотрели на них.

— Ну вот, устались! — звонким голосом выпалил Петька. — Ласка голодная, а вы стоите. Девчонки, несите ещё тряпок. Ночью холодно будет. Серёга с Колькой — за едой! Хлеба, колбасы... Я воду принесу. Пить-то она тоже хочет.

Предложение Петьки было принято без колебаний, и все разошлись по своим квартирам, чтобы принести Ласке всё необходимое.

Двор на время опустел, и в этот момент из первого подъезда вышел высокий полный мужчина лет сорока, в синем свитере и чёрных домашних брюках, заправленных в поношенные сапоги. В огромных жилистых руках болтался старый залатанный мешок, за плечами — ружьё. Быстрым шагом подошёл он к будке и некоторое время стоял, разглядывая животных. Лишь раз злорадная улыбка мелькнула на его полном лице с крупным мясистым носом и глубоко посаженными большими серыми глазами и сразу же погасла. Но вот он решительным движением быстро достал из чашки кусок колбасы, заманивающе повертел его перед носом собаки и резко бросил недалеко в сторону. Ласка выскочила из конуры и жадно стала есть. Щенки в конуре жалобно пищали. Мужчина

рванул с плеча ружьё. Оглушительно грохнул выстрел... Ласка ещё некоторое время шевелила лапами, потом резко вытянулась и затихла. Кровь медленно растекалась от неё в стороны. Щенки по-прежнему слабо пищали... Мужчина спокойно закинул за плечо ружьё и, брезгливо наморщив широкий лоб, потащил собаку за хвост к мусорной свалке, которая находилась рядом с общим туалетом. Когда он вернулся к будке, возле неё уже толпились растерянные ребятки. Три девчушки тихо плакали. Мальчишки исподлобья, как-то по-взрослому, смотрели на дядю, так смело и грубо нарушившего их маленький радостный мирок... Но он, казалось, их не видел. Грубо хватая щенков огромными руками, побросал их в мешок и крепко завязал его. И тут Петька решительно выступил вперёд:

— Оставьте щенков, а? Дядя Лёва! Ну оставьте... Дядя Лёва взглядом окинул его с ног до головы.

Худенькое бледное лицо с чуть приплюснутым носом. Несколько родинок на обеих щеках. Вроде бы ничего особенного, но глаза... Тёмно-голубые глаза смотрели просяще и вместе с тем светились холодным, злым огнём осуждения... Дядя Лёва понял это сразу и ещё больше ожесточился.

— Чего нюни распустили? Развели во дворе собачник! Собака без хозяина — не собака. Понятно? У меня дочка маленькая боится во двор выйти! А тут щенки...

Петька робко, но настойчиво перебил: — Дядя Лёва, не бойтесь! Мы их спрячем далеко. По улице не будут бегать. Даём слово! Вот они скажут...

Петька с надеждой взглянул на товарищей. Те сразу заговорили вразнойбой:

— Дядя Лёва! Отдайте, а?

— Ведь маленькие, жалко...

Но их резко оборвал злой и раздражённый голос дяди Лёвы:

— Хватит канючить! Знаю я вас! И чтобы завтра этой будки не было! А то сам сломаю и всё повыкидываю... И не лезьте в дела взрослых! Понятно?

Закинул мешок на плечо и быстро зашагал к узкому проходу между домами. Дети медленно двинулись за ним.

Путь был недолгим. Дядя Лёва подошёл к старому заброшенному пруду на пустыре около

шинного завода. Укрывшись за кучами земли, мальчишки со жгучей болью в глазах увидели, как злой, нехороший дядя быстро привязал к мешку увесистый камень и, сильно размахнувшись, бросил его в ржавую, грязную воду. И сразу пошёл назад, к дому. А ребяташки ещё долго смотрели на пруд, хотя вода в нём давно уже была спокойна...

На следующий день в укромном месте около сараев собралось несколько ребят. «Совещание» было недолгим. Петька Рукосуев предложил план мести: с наступлением темноты, по условному сигналу, дружно и старательно обстрелять окна дяди Лёвы камнями и быстро смыться. План был принят без возражений и дружно одобрен.

Стемнело. Во многих окнах родного двухэтажного дома зажглись огни. Квартира дяди Лёвы тоже осветилась электрическим светом. Напротив окон возвышалась большая груда досок, привезённая для ремонтных работ в детском саду, который находился рядом. За ней и укрылись мальчишки, приготовив заранее большой запас камней. Петька напряжённо смотрел на ненавистные окна. Их было два, и находились они на втором этаже. Иногда становилось страшно. Казалось, что их поймут, схватят за руки... Но он всячески старался отогнать эти мрачные мысли. Окна были закрыты шторами, и Петька с ненавистью думал о том, как дядя Лёва смотрит сейчас, наверное, телевизор или ужинает, не подозревая, что скоро стёкла в его квартире разлетятся вдребезги... Наконец настал момент, когда кругом не было видно ни одного прохожего. Пора. Петька выпрямился во весь рост и негромко, резко скомандовал: — Огонь!

Большой град, камней ударил в освещённые ненавистные окна. Потом ещё раз, ещё... Звонко зазвенели разбитые стёкла, и свет в одном окне сразу погас. Мальчишки кинулись в разные стороны. Сзади раздавались тревожные крики, топот ног, возбуждённые голоса.

Петька стремительно мчался, виляя между домами, в сторону шинного завода. Вот уже близко... Ещё, ещё... Пулей пролетел мимо какой-то избушки и побежал по заводскому парку, ныряя между деревьями. И только у металлической ограды остановился, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам. Никто, кажется, его уже не преследовал. Сердце лихорадочно билось в груди, готовое выскочить наружу. Он немного отдохнул, отдышался и быстро направился в сторону заброшенного пруда на пустыре. Там после «операции» должны были собраться её участники. Его уже ждали двое. Немного погодя подошли остальные. Всем удалось убежать.

Мальчишки были довольны и возбуждённо делились впечатлениями. Не обошлось без хвастовства и преувеличений. Все были уверены, что их не разоблачат. Они немного побродили по

улицам и потом долго играли в «войну» недалеко от своего дома... Когда уже стало очень поздно, осторожно стали расходиться по домам. Никто не заметил ничего подозрительного. Последним шёл к своему подъезду Петька. И вдруг у самой двери его словно ошпарили кипятком. Кепка! Где кепка? Её на голове не было. Мальчишка растерянно ходил взад-вперёд по двору. Напряжённо старался вспомнить, в какой момент она ещё была на голове. Все в доме знали, что в этой кепке ходит именно он, Петька Рукосуев.

Невесёлые Петькины раздумья прервал громкий голос отца:

— Петька! Уже ночь на дворе, а ты не являешься! Дуй домой! Кому говорю?!

Отец в чёрной куртке стоял у самого входа в подъезд. По его голосу мальчуган почувствовал что-то недоброе. Ноги сразу стали какими-то непослушными...

— Ты что, оглох? А ну пошли домой!

Петька послушно поплёлся к подъезду. Вошли в квартиру на первом этаже. Отец молча разделся в прихожей и нетерпеливо прошёл в комнату. Мать была ещё на работе (работала во вторую смену). Петька хотел проскользнуть на кухню, но суровый и властный голос его остановил:

— Иди-ка сюда! Я с тобой разберусь!

Потихоньку, боком вошёл в комнату. Отец, в трико и белой майке, сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Из-под густых бровей воткнул в сына тяжёлый взгляд. Достал папиросу, нервно закурил:

— Ну-ка, расскажи, сынок: с кем ты стёкла Каракулину бил?

Петька низко опустил голову. Уставился в одну точку на полу.

— Чего молчишь? Рассказывай уж... Когда камни швырял, то смелый был! Так старался, что даже кепку обронил! А зря: кепка-то приметная. Внутри вышито: «П. Р.», сверху красную звезду себе нашёл. Все знают. Ну, так с кем бил?

Петька молчал. Не зная для чего, сунул руки в карманы серых брюк.

— В молчанку с отцом играешь?! — смуглое лицо Рукосуева-старшего чуть побагровело. Пальцы, держащие папиросу, еле заметно дрожали. — Меня позоришь! На заводе почёт и уважение, а он — стёкла бить! А знаешь, что Каракулин завтра в милицию может заявить? И на работе позор за плохое воспитание! В кого ты только уродился? Нет, твой брат Ванька таким хулиганом не был. В институте учится, одно хорошее слышу. И стёкла никому не бил... А ты... Ну скажи, ведь ты всё затеял?

Петька еле слышно выдавил:

— Я.

— Для чего? Что тебе дядя Лёва сделал плохого? А? Скажи-ка прямо.

И Петька вдруг решил сказать правду. Решительно поднял глаза на отца:

— Знаешь, папка, он Ласку нашу убил ни за что! И детей её утопил! Мы видели...

Отец удивлённо тряхнул головой:

— Из-за этой дворняги такое творить! Ну, Петька, Петька... Стоит ли из-за какой-то собаки... Да я тебе лучше в сто раз куплю! Глупый ты, несмышлёныш... Если бы у неё хозяин был, а то... Жила себе как попало.

Сын смело уже возразил:

— Не как попало! Мы будку сделали.

Рукусуев-старший резко повысил голос:

— А ну замолчи! Ремня не пробовал?! — он жадно затанулся папиросой, потом уже спокойнее сказал: — Вот что, сын! Завтра же извинишься перед дядей Лёвой. Попросишь прощения! И чтобы первый и последний раз! Понял? Ишь ты... Из-за какой-то собаки!.. И стёкла pomoжешь мне вставить! Понятно? Про остальных можешь не говорить. предавать друзей — поганое дело.

— Не буду... — вдруг глухо пробормотал Петька.

— Чего это?! «Не буду»?! — опять резко повысил голос отец.

Мальчишка упрямо надул тонкие губы.

— Не буду прощения просить. И помогать стёкла вставлять не буду.

— Ах ты, гадёныш! — отец стремительно встал и, сунув окурок в пепельницу, подошёл к сыну вплотную.

Петька вдруг отчаянно, с болью в голосе, закричал:

— Не надо мне никакой собаки! Не буду прощения просить! Не боюсь ремня, не боюсь! — и, присев на стул, зарыдал, сильно подрагивая плечами.

Перед глазами его стояли живая Ласка и её четверо маленьких, чёрно-белых, жалобно пищавших щенят. И сердце его разрывалось от боли и отчаянья...

Пробуждение

Светлой памяти родителей моих Павла Ивановича и Ольги Ивановны

Ибо придет Сын Человеческий во главе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его.

Мф. 16:27

Такси остановилось на краю деревни.

Валерий вылез из машины и расплатился с водителем. Держа в одной руке металлический венок, а в другой — чемодан, торопливо зашагал по пустынной улице. Он приехал в шесть часов утра, и деревня ещё спала. В глубине души он надеялся на чудо — что похороны не состоялись. Все должны ждать его — Валерия! Но, заметив разбросанные по всей дороге свежие еловые веточки, понял сразу: чуда не было, да и не могло быть!

Отчаяние и безысходность случившегося ещё больше охватили его... Через сорок минут он остановился у большого, старого, но ещё добротного дома. Отворив калитку, зашёл в ограду. Взойдя на крыльцо, громко постучал.

Дверь открылась. Высокая пожилая женщина, громко плача, крепко обняла Валерия.

— Ох, Валера!.. Опоздал!.. Как же так?.. Ну, проходи в дом!

— Так получилось, тётя Вера!

Прошли на кухню, уселись. Немного успокоившись и вытерев слёзы, тётя Вера начала торопливо рассказывать:

— Ждали тебя, Валера до трёх часов дня вчера! Ведь сын же ты у ней один! Но третьи сутки уж пошли. Запах от тела, сам понимаешь... Жена твоя сказала: давайте выносить гроб. Сегодня, я чувствую, он не приедет. Похоронили как положено. Честь по чести. И помянули как надо, по-человечески! Народу было много. Сам знаешь, деревня... А жена твоя молодец!

— В каком смысле?

— Хорошо всё и быстро организовала. Гроб, ограду, могилу и машину! Сколько денег ухлопала! А на водку и еду сколько ушло! Вот тебя только не было...

— Да как бы я успел на похороны?! — вдруг резко закричал Валерий, лицо его сильно побагровело. — Телеграмма пришла в Симферополь к тётце, а я гостил у сестры моей жены в Бахчисарае! Протрянули резину, а потом привезли телеграмму ко мне из Симферополя! А на самолёт какие очереди! Август месяц — самый наплыв народа в Крыму! С похоронкой и то кое-как сел в самолёт.

— Да я что?! Разве я тебя обвиняю? Всяко бывает... — испуганно заговорила тётя Вера.

Валерий умолк. Немного погодя сказал уже спокойно:

— Извините меня. Погорячился я. Как она умерла?

— Последнее время тяжело она ходила, Валера! Я ей хлеб покупала в магазине, продукты... Соседи же, в одной ограде живём. Семьдесят шесть лет! Что ты хочешь? Ко мне она редко заходила. Чаще я к ней. Я покрепче. А десятого августа пёс мой, Шарик, околел! Старухи знакомые говорят: «Ой, Вера, не к добру! Покойник будет у тебя!» Я духом упала и за внуков давай переживать! Пёс-то ещё не сильно старый был! А Ивановна, видно, тоже чувствовала свою смерть! Последние две недели часто мне говорила: «Умру, наверное, я скоро! Одна у меня просьба к тебе, Вера! Телеграммы, как умру, сыну и родным отбей, чтоб похоронили меня не хуже других! Могилу мне выройте в углу кладбища, где ель высокая и красивая стоит! Я давно это место приглядела». Я её успокаивала: мол, рано о смерти думать! А она всё на своём! Так её под елью этой и похоронили.

Грустно помолчав немного, продолжила дальше:

— Тринадцатого августа, утром, что-то тревожно на душе у меня стало! Предчувствие плохое какое-то... Захожу к ней в избушку, а она—без сознания на кровати лежит! Багюшки мои! Я перепугалась, скорей врача вызывать. Осмотрел он её и говорит: «Всё кончено. Скоро умрёт Ивановна. Инсульт. Уже её не спасти». Сутки пролежала без сознания. Я ухаживала за ней, пить давала и прочее... Четырнадцатого умерла. Я давай телеграммы посылать.

Валерий слушал, тоскливо глядя через окно во двор. А тётя Вера продолжала дальше:

— Последние два года сильно она сдала, Валера! Я и картошку помогала ей копать, и в магазин ходила, воду таскала... Сколько лет вместе прожили! Душа в душу! И все два года писем от тебя ждала! Часто тебя вспоминала.

— Кто хоть был из своих на похоронах?

— Племянник с племянницей и дети твои с женой. Поминали у меня, у ней избушка маленькая, сам понимаешь. Поздно вечером родные твои уехали домой.

Валерий решительно достал из кармана брюк толстый кошелёк. Расстегнув его, извлёк толстую пачку денег и положил на стол.

— Тётя Вера! Я вам сильно обязан за мать! Эти деньги у меня не последние. Здесь три тысячи. Возьмите себе. Вам пригодятся.

Женщина только махнула рукой:

— Да ты что, Валера! Мне—деньги предлагаешь! За что? Не возьму!

— Нет, возьмёте!— настаивал Валерий.

— Сказала—нет! Убери деньги! Ишь, выдумал...

— Ну берите же! У вас маленькая пенсия, внуки на шее...— умоляюще стонал Валерий.

— Не надо! Я помогала Ивановне не за деньги!

Тётя Вера была непреклонна и уже начинала сердиться. Валерий убрал деньги в кошелёк. Закурил.

— Ладно. Не хотите брать—не надо! Но всё равно я вам обязан. Если нужна будет моя помощь—сообщите мне сразу. Адрес у вас есть. Хоть деньгами, хоть чем другим—помогу! Договорились?

— Вот это другое дело! В жизни всяко бывает... Может, поешь чего?

— Спасибо, не хочу. Лучше поговорим.

— Как сам живёшь-то, Валера?

— А когда начальники на Руси жили плохо?! Всё есть: машина, дача, деньги...—угрюмо ответил Валера.—Поехал к тёще в Крым. В отпуске я. Жену с детьми ждал. А вот как получилось... Ну а у вас как жизнь здесь?

— Ой, плохо, Валера! Молодёжи мало осталось. Все в город бегут. В совхозе заработки плохие. Развалилось хозяйство! Большая часть людей в деревне—пенсионеры. Куда уж нам ехать? Пенсии маленькие. Много домов заброшенных у нас появилось, огороды бурьяном заросли. Вот, Горбачёв перестройку затеял. Будет ли толк, как думаешь?

Валерий, немного подумав, ответил:

— Наверяд ли. Лично я в эту перестройку не верю! Россия—такая страна, что...—он обречённо махнул рукой.—Ну, ладно, тётя Вера! Пора и на кладбище уже идти.

— Конечно, Валера! День вон какой хороший, солнечный. Сходим вместе, посидим, помянем Ивановну.

— Вы извините меня! Без обиды. Мне нужно побыть на могиле одному. С вами схожу в другой раз.

— Какая обида? Дело твоё. Ты сын! Значит, для тебя так лучше.

— У меня с собой бутылка водки. Можно ли купить чего закусить в ваших магазинах?

— Зачем покупать-то? С поминок часть еды осталась. Да и что ты купишь в нашем магазине?! Одна крупа да консервы—пустые полки, считай.

— Ну хорошо. Положите мне в сумку еды. Только немного. Пока здесь собираете, я минут на десять зайду в родной домик.

— Возьми ключ. Вот он, на гвоздике висит.

Валерий вышел на улицу. По дощатому настилу прошёл в самый конец обширного двора, где стояла ветхая, покосившаяся избушка. Открыл замок и вошёл в неё. Всё ему было здесь давно знакомо! Две старые кровати, обшарпанный шифоньер, стол, несколько стульев, тумбочка в углу. На ней—старенький маленький телевизор. Он представил себе свою просторную четырёхкомнатную квартиру с дорогой импортной мебелью и японским цветным телевизором, и горький комок подкатил к горлу!..

Могилу он нашёл быстро. Зайдя в оградку, тихо произнёс:

— Здравствуй, мама!

Сев на скамейку, немного огляделся. В самом деле, как говорила тётя Вера, всё было сделано по-человечески. Красивая узорчатая оградка. Аккуратно вкопанный металлический памятник с крестом сверху. На нём табличка с надписью: «Соколова Надежда Ивановна. 29.IV.1912 г.—14.VIII.1988 г.».

Сверху над табличкой—фотография. А на ней—такое родное материнское лицо! Много было свежих хвойных и металлических венков. И высокая разлапистая ель гармонично дополняла общую картину. Стояла тишина. Лишь где-то на краю деревни непрерывно изливал музыку магнитофон. Музыка была весёлой и поначалу раздражала Валерия, но потом он не стал обращать на неё внимания. Не торопясь, достал из сумки еду и бутылку со стопкой. Как и положено по обычаю, часть еды положил на могилу. Стопку водки вылил около памятника, потом налил себе. Сказав тихо: — Земля тебе пухом, мама!—выпил.

Водка обожгла внутренности и приятным теплом разошлась по телу. Аппетита не было. Но, опасаясь опьянеть, забросил себе в желудок немного еды. Закурил... Медленно, как при просмотре

фильма, снятого ускоренной киностъёмкой, потолка перед ним вся его жизнь...

Родился он в 1937 году... Жара, июль месяц. Ему было всего пять лет, и он ещё не умел плавать. Купался на речке и стал тонуть. Он уже потерял сознание, и его вовремя успели вытянуть на берег. Когда он очнулся, то увидел перед собой её глаза... Он запомнил эти глаза на всю жизнь—глаза матери, полные боли и тревоги за него!..

Шла война. Мать работала в колхозе и приходила домой поздно вечером, измождённая, отрешённая от всего. Случалось иногда, что приходила раньше, и тогда появлялся милиционер с винтовкой:

— Пошли, Ивановна! Время ещё есть. Поработать надо!

— Но я же выполнила норму, Ефремович! Дома тоже дела есть...—чуть не плача, возражала она.

— Пошли давай! Война такая идёт, а она... Стране победа нужна, и точка!

И она, усталая, опять плелась на поле под конвоем. Стране нужна была победа...

Отца своего, Александра, Валерий не помнил. Со слов матери знал, что он рано умер... Он хорошо запомнил этот зимний вечер в их избушке. Ему было семь лет, и он только что сделал уроки. Мать, сидя на кровати, вязала ему носки. Он спросил её: — Мама, а как умер мой отец?

Она, продолжая вязать, стала неторопливо рассказывать.

— Жили мы, сынок, в тридцать седьмом году в посёлке Анзавод Иркутской области. Ты был ещё маленький. И начались аресты! Поздно вечером, каждый день, большая чёрная машина разъезжала по посёлку. Забирали мужиков! Её так и звали в народе: «чёрный ворон». Почти всех мужиков забрала! Отец твой успел убежать. Спрятался в лесу, благо лето было! Мать его, бабка твоя, умерла. Узнав об этом, прибежал тайком на десять минут проститься—и опять в лес! Но выдал его кто-то—со страху, видно. Врагов-то не было у него! Поймали, судили как врага народа и дали десять лет заключения. Много в то время народу пересадили. — Какой же он враг был, мама?

Вопрос был по-детски наивным.

— Не был он врагом народа, сынок! Политика была неправильная... Ошибка какая-то,—просто, по-крестьянски, ответила мать.—Через два года с братом его, Петром, повезла я на поезде ему передачу. Долго мы ехали. Лагерь был на Дальнем Востоке. Станция Тахтамыгда, как сейчас помню... Кое-как свидания добились...

И тут она, не выдержав, заплакала. Валерий с болью смотрел на неё. Немного успокоившись, продолжала:

— Ох, Валера, не узнали мы его! Страшный такой, худой! Кожа да кости! Кормили в лагере плохо,

а работа тяжёлая! Так он рад был нашим продуктам! Что себе на дорогу еды брали—почти всё ему отдали. Спасибо, добрые люди в вагоне подкармливали! Перед самой войной пришло от него письмо. Если, мол, не вышлете продуктов—помру с голоду! Собрали посылку, отправили. А тут и война началась! Не знаю, дошла ли посылка до него... и чс и сын. Валерий работал уже заместителем начальника цеха. Как-то утром, в постели, жена сказала ему:

— Слушай, Валера! Тесновато нам жить стало! Две комнаты всего. Объясни всё матери, мне неудобно. Пусть пока поживёт у себя. А получим квартиру побольше—всегда сможем её забрать! Она ещё крепкая здоровьем у тебя—ничего страшного!

Он сильно любил свою жену и согласился. Мать, конечно, тоже была согласна и уехала опять к себе...

Через год они получили четырёхкомнатную. Он стал начальником цеха. Роскошно обставили квартиру. Появились машина, дача... Всё было хорошо! Разве он не имел права хорошо жить?! Но почему он стал писать письма матери всё реже и реже, а последние годы вообще не писал? И перестал приезжать к ней, а здоровье её становилось всё хуже последнее время. Почему? Он искал и не находил ответа... Ведь он же никому не делал зла! Добрый от рождения, он всегда делал людям только хорошее! Как же так получилось? Он забыл всё хорошее, что сделала для него мать! И ничего она не видела прекрасного в жизни, кроме тяжёлой работы да заботы о сыне!

Валерий дрожащей рукой налил себе ещё водки. Ему показалось—в стопке была вода! И тут всё, что пока удавалось сдержать у себя внутри, вдруг выплеснулось наружу! Громко рыдая, упал около могилы. Катаясь по земле, мял руками венки и цветы. Не в силах сдержать себя, закричал не своим голосом:

— Прости меня, мама!!! Слышишь ли ты меня?!

Никто ему не ответил. Лишь только поднявшийся сильный ветер раскачивал ель над могилой, да всё тот же злосчастный магнитофон изливал на краю деревни тоскливую песню. И тогда, весь холодея от ужаса, понял он, что все эти годы жил в паскудном, ненужном и жутком сне,—и какое страшное теперь пробуждение!..

В деревню он вернулся уже под вечер. Тётя Вера всплеснула руками:

— Ой, Валера! Да на тебе же лица нет! Разве можно так убиваться?! Её уже не подымешь!

— Значит, так надо было!—последовал короткий ответ.

Ночевал он в избушке матери. Всю ночь почти не спал, думая о чём-то своём... А на следующий день уехал.

Шли годы. Время берёт своё. Он всё реже и реже приезжал на могилу. Но ездил он сюда до самого конца своей жизни. И до самой своей смерти остался у него чувство не искупленной вины перед женщиной, которая была его матерью!

Невезучий с самого рождения

Васька Иванов проснулся в семь часов утра, но глаза не открывал. Кругом было тихо, но Васька знал, что эта тишина может оказаться коварной. Год назад, когда он попал в медвытрезвитель, там тоже была идеальная тишина, как только он открыл глаза—его сразу же за ушко да на солнышко!..

Васька лежал не шевелясь и долго, напряжённо прислушивался. Ведь не было слышно ни шагов дежурного по коридору, ни пьяных мужиков. Тишина!

А глаза всё же надо было открывать. Затаив дыхание и огромным усилием воли преодолевая свой страх, он открыл их и... О Боже!

Его грязный, давно не белённый потолок светился и сиял перед ним таким красивым цветом, что у него захватило дух! И в этот момент он был красивее для него всех потолков в мире! Он спал не в милиции, а у себя Дома!! Васька радостно соскочил с кровати и подошёл к большому зеркалу на стене. О Боже! Он не поверил своим глазам! Из зеркала на него смотрел худощавый мужчина маленького роста, в одних трусах и... с прекрасным модным галстуком на голой груди! Каким образом ему, пьяному, удалось снять с себя одежду, но опять завязать галстук на голой шее—одному Богу известно! Сняв с себя галстук и одевшись, Васька закурил и стал вспоминать события минувшего дня.

У его старого, закадычного друга был день рождения. Круглая дата—пятьдесят лет. Кроме Васьки, были приглашены ещё многие друзья и родственники. Было шумно и весело. Изрядно подвыпив, много пели, танцевали и слушали песни белых эмигрантов, записанные на магнитофон. Эти песни глубоко потрясли Васькину душу!

Пелось в них о русской берёзке, о тоске по Родине, о тяжёлой жизни на чужбине... Васька помнил, что, пьяный, сильно рыдая, он всё приговаривал:

—Ведь они тоже русские, как и мы! Мучаются там, за границей! Зачем была Гражданская война?! Ну зачем?!

Многие его успокаивали как могли. И успокоили в конце концов. Всё было хорошо, и пора бы уже расходиться по домам. Но кто-то подал ненужную и дурацкую идею купить и распить ещё две бутылки водки. Кто именно—Васька не помнил. Ну и пошло-поехало! Всё дальнейшее Васька помнил уже очень смутно. Пили водку. Потом несколько человек, предварительно заплатив

деньги, сажали его в такси и... Что было потом—память его не сохранила.

«Хорошие песни про эмигрантов! Надо будет как-то мне их переписать»,—подумал Васька. Он не попал в вытрезвитель, но всё равно положение было не из лёгких. Его сильно мутило. В голове постоянно стояла тупая боль. Противная слабость охватила всё тело... Он долго спускал из крана холодную воду, потом жадно выпил три стакана.

Подойдя к окну, выглянул на улицу. У самого дома отвратительного вида мужчина о чём-то оживлённо разговаривал с некрасивой низенькой женщиной. Чуть вдалеке, у покосившегося магазина, стоял уродливый грузовичок, из которого невзрачные людишки таскали какой-то груз. Недавно пролил дождь, и там и сям темнели огромные ужасные лужи вперемежку со страшной грязью. Сквозь безобразно наляпанные по всему небу редкие облака мрачно светило солнце.

На горизонте неотвратимо маячило похмелье! Васька достал из кармана пиджака кошелёк. В нём лежали последние два рубля. Только на хлеб. В холодильнике хватало продуктов, а через три дня он получит зарплату. На бутылку надо заниматься. У кого?

К друзьям ехать далеко, да и все они наверняка были на работе. Соседи по площадке тоже работали с утра. Сам Васька предусмотрительно, заранее, взял на сегодняшний день отгул. В его подъезде жили трое человек, у которых можно было занять деньги.

Площадкой ниже занимал квартиру директор овощной базы, который не пил и не курил. Васька знал, что последнее время из-за болезни он не работал. Решил начать с него. Набравшись смелости, решительно надавил на кнопку звонка. Дверь открыл высокий, пожилой и полный мужчина с болезненным, раздражённым лицом. Поздоровались.

—Я ваш сосед из восемьдесят девятой квартиры,—смело начал Васька.—Извините за беспокойство, конечно, но займите мне десять рублей. Через три дня обязательно отдам!

—Знаю, что сосед. Ну и прёт от вас, хоть сейчас закусывай! На бутылку, что ли?

—Да, на бутылку.

—Без обиды будет сказано, сосед! На хлеб бы занял, а на эту гадость—никогда!

—Какая вам разница? Я же не бичую, работаю! Сказал, через три дня отдам—значит, точка!

—Нет и нет! Да будь моя воля, я бы вас, всех пьяниц, на Колыму давно уже загнал! В лагеря, мать вашу!—вдруг заорал директор с побагровевшим от злости лицом.

—Ты чего орёшь?!—закричал и Васька.—Я тебе должен или обязан чего?! Ишь, пуп земли нашёлся! Если директором работаешь, то можно плевать на всех?! Заткни пасть, а то...

Васька уцепился за ручку двери, но дверь резко хлопнула перед самым его носом, и щёлкнул замок. «Вот сволочь, десятку занял пожалел! Никогда здороваться не буду!» — озлобленно подумал Васька.

После этой стычки болезнь от пьянки ещё более усилилась. Закурил. Вторым «спасителем» был профессор, который жил на одной площадке с паскудой-директором. Неделю назад профессор купил себе шикарную импортную мебель в большом количестве, и Васька, с ещё несколькими своими друзьями, помогал ему затаскивать её в квартиру и расставлять по местам. Было тяжело, времени потратили очень много и все упарились. Потом хозяин угощал их импортной водкой и импортной закуской. Такую водку и такую еду Васька и его друзья пили и ели первый раз в жизни! В магазинах, в свободной продаже, этого не было. Водочка мягкая, очень приятная на вкус! А сыр, колбаса и консервы были необыкновенно вкусными, и хозяйка только успевала наполнять пустые тарелки!

В конце трапезы подвыпивший профессор расщедрился и дал им на дорогу три бутылки водки, которую они сразу же и выпили на квартире у Васьки. И шумно говорили после этого про жизнь: «Во люди как живут! Вот что значит — профессор!!! Мебель новая — одно взглядынье, как на выставке! Красотища! Век нам такой жизни не видать!»

Отбросив эти приятные воспоминания, Васька позвонил в квартиру профессора. Перед ним предстал интеллигентный мужчина средних лет и среднего роста, в пижаме, с аккуратной курчавой бородкой. После взаимных приветствий возник такой разговор:

— Я Василий, из восьмьдесят девятой квартиры. Помните, я мебель вам помогал тащить?..

— Помню, конечно, помню... Чем могу быть полезен?

— Займите мне, пожалуйста, десять рублей. Через три дня отдам. Я получу зарплату.

Профессор слегка замялся. А Васька, подумав, что он боится занять, сказал ещё решительнее:

— Да вы не бойтесь! Я честный! Я обязательно отдам! Буду я позориться из-за десятки! Работаю же...

Но профессор спокойным тоном сразу охладил его пыл:

— Дело не в этом. Я верю вам. Но моя супруга уехала в гости к родственникам. Это далеко, на окраине города. Приходите, пожалуйста, после пяти. Я вам займу и большую сумму.

— До пяти долго! Мне сейчас надо.

— Извините, но у меня лично нет ни одного рубля! Деньги у неё. После пяти — пожалуйста!

«Чудной какой-то профессор, — думал Васька, спускаясь вниз по лестнице. — Такие большие деньги получает, а у самого ни копейки в кармане! Не курит, сильно не пьёт! Зачем все деньги

жене отдавать? Хотя немного, да оставлял бы себе! А ещё грамотный мужик...»

Оставалась последняя надежда — бабка Агафья. Она жила на первом этаже и хорошо знала Васю как соседа по подъезду. Она была очень религиозна и почти каждый день ездила в церковь. Знал также Васька, что она скупая до мозга костей и несчастную десятку занять у неё будет очень трудно, но он решил «давить до упора», пока не выйдет от неё с деньгами в кармане.

Немного подумав, он избрал такую тактику: сначала поговорить с бабкой по душам, «за жизнь», а уж потом... Сначала он зашёл домой и тщательно пережевывал во рту несколько импортных орехов, которые хорошо перебивали перегар. Направился к бабке.

Дверь открыла худая маленькая старушка с измождённым от частых молитв лицом.

— Здравствуйте, Агафья Степановна!

— Здравствуй, раб Божий Василий! Проходи! Гостем будешь!

Прошли на кухню. Сели. Васька — около окна, бабка — напротив.

— Как поживаете, Агафья Степановна?

— Какая жизнь у стариков, Вася? Сам знаешь... Болею часто; хворь одолевает! Только в молитвах Богу нашему и нахожу успокоение! И тебе советую: ходи в церковь чаще, грехи свои замаливай!

— А разве я грешник большой? Не убиваю, не краду, работаю как все...

— Каждый человек от рождения обречён на грех! — назидательно сказала Агафья. — Сколько тебе лет?

— Сорок пять уже.

— Сорок пять, а семьи нет! Один живёшь, как перст. Ни детей у тебя, ни внуков! Не по-божьему это... Каждый человек должен семью иметь! Семья — от Бога!

— А что, я плохо живу?! Квартира хоть однокомнатная, да есть. Мебель, пусть не роскошная, телевизор, магнитофон — тоже есть. Одет, обут. Слесарем работаю на заводе... Хотя и не сильно большие деньги зарабатываю, но одному хватает на жизнь! Кусок хлеба ни у кого не прошу! — вдрут разошёлся Васька.

— А семьи-то нет! Пустоцветом живёшь, Вася! — не унималась Агафья.

— А может, Богу и угодно, чтобы я жил один! Для разнообразия жизни. Денег надо занять — к Ваське мужики идут. Бутылку распить — опять ко мне. Дома-то жёны пилят, а я — один. Ругаться некому. В беде какой выручить — меня просят! Значит, нужен я такой в этой жизни! Судьба, выходит, моя такая! А если говорить начистоту, то невезучий я с самого рождения!

— Как это... с самого рождения? — удивлённо посмотрела на него бабка.

— Очень просто. Хотя и родился я в деревне, а рос слабым, часто болел. Хилый был, расту

маленького... В школе обижали кому не лень! И насмехались надо мною, и били... Да и отец часто лупил! Пил он по-чёрному, запои—один за другим! От водки и отдал Богу душу. Мне десять лет было уже...

— Ну, пусть в детстве тяжело было! А дальше?
— А дальше ничуть не лучше! Школу закончил, поступал в институт, на инженера учиться. Не прошёл по конкурсу! Армия... Физически слабее был среди парней моего призыва. Больше всего от дембелей доставалось! И казарму драил, полы мыл, уголь возил... В общем, где какую «дыру» надо заткнуть—иди, Вася, сюда! Чуть не так—по шее! Не служба была, а одни мучения! Эх, не хочется вспоминать, Агафья Степановна!

— Да. Тяжёлые испытания послал тебе Господь! А почему не женился?

— С женщинами тоже не повезло: дружил до армии с одной девахой. Жениться после службы на ней хотел. Такие письма мне в армию писала—любовь до гроба, да и только! Один месяц мне до дембеля оставался—бац, письмо от неё! Мол, прости меня, Вася, выхожу замуж, не поминай лихом! У меня всё в глазах помутилось! Ладно, пережил я эту трагедию. После армии, чуть не год, дружил со второй. Любил её сильно, да и она меня тоже! Три дня до свадьбы оставалось—и надо же! Под машину попала по своей вине! Сразу на смерть! На сколько лет из-за её смерти моя жизнь укоротилась—один Бог знает! Два года после этого ни с кем не знакомился! Появилась ещё одна—Лариса. Полгода любовь наша процветала, и вот—на тебе! Поехала в деревню мать проведать, а по дороге, в лесу, какие-то мерзавцы поймали, изнасиловали, поиздевались вволю и убили! После этого крест я поставил на семейной жизни!

Наступило тяжёлое молчание. Но Васька снова заговорил:

— В своей семье ничего хорошего! Отец от пьянки умер, две сестры были—и тех давно похоронил. Одна, старшая, от рака умерла. Вторую муж зарезал по пьянке. Одна мать осталась.

— Где она сейчас?

— В деревне живёт, на родине моей. Зову, зову её к себе—не хочет жить со мной! Не любит город. Всю жизнь в деревне прожила, и всё тут! Семьдесят шесть, а ещё крепкая старуха! Картошку садит, огород свой, поросёнка держит. А мне с ней веселее было!

— Не переживай, раб Божий Василий! Раз хочешь там жить—значит, так Богу угодно!

— Да я что? Насильно же не потащишь. Слабая будет совсем—сама придет.

— Да, Вася, неважно у тебя жизнь сложилась! Но ничего—Бог терпел и нам велел! Но, чую я, не просто так ты ко мне зашёл!

— Это точно, Агафья Степановна! Причина есть. Вчера у моего лучшего друга был день рождения.

Выпил я лишнего. Болею сильно сейчас! Выручайте! Десять рублей до получки. Через три дня отдам.

— Зачем много пил? Стопки три бы выпил, и хватит!—строго сказала бабка.

— Да ведь у нас, русских, так! Стопку трахнул—мало! Ещё надо одну, потом ещё... Откуда знаешь, какая лишняя? А потом и рога в землю! Знал бы, где упасть,—соломки бы подстелил!

— Ох, Вася, от дьявола зелье это! Забыли люди Бога совсем, запились! А он, дьявол, только радуется, глядя на вас! Вот и правители наши указ выпустили правильный! Борьбу объявили этому зелью! Так и надо!

— Не согласен я с этим указом, Агафья Степановна,—горячо заговорил Васька.—Водку с двух часов дают, по две бутылки в руки! А давка какая! Сколько людей подавили по Союзу, рёбер сколько переломали! А цыгане как нажились! Да и многие русские не отстают от них! В любое время суток бери у них водки сколько хочешь! На фиг магазин нужен! Не зря слухи ходят: цыгане пообещали Горбачёву после смерти золотой памятник поставить! — Неужто золотой?

— А почему и нет? С таких бешеных денег можно по всему Союзу золотые памятники Горбачёву зафуговать! А люди как пили, так и пьют! Нажива цыганам и многим другим—вот и весь указ!

Бабка растерянно молчала, не зная, что возразить. А Васька продолжал:

— Я бы на месте Горбачёва сделал так! Водка и вино—свободная продажа с утра и до утра. А на работе—никакой пьянки! Попался—отвечай на всю катушку! Штрафы там и прочее... Вроде и грамотный мужик, а такую глупость сморозил... Ну, хватит об этом. Занимай, Агафья Степановна!

— Ох, Вася! Пенсия всего-то восемьдесят рублей! Тяжко жить-то...

— Я же сказал: через три дня отдам! Свиньёй ещё никогда не был!

— Лучше бы матери своей деньгами помог, чем на зелье тратить!

— А я и так помогаю! Каждый месяц по тридцать рублей высылаю. У неё тоже пенсия—слёзы одни!

— Неужто каждый месяц?—недоверчиво сказала бабка.

— Ей-богу, не вру, Агафья Степановна! Что я—последний забулдыга, что ли? На работе не пью совсем, да и дома—не каждый день! Да я вам квитанции переводов покажу...

— Верю, Вася, верю. Ты телевизоры можешь чинить?—вдруг неожиданно спросила Агафья Степановна.

— Немного разбираюсь. А что с ним?

— Не показывает ничего, и звука нет. Я хоть и редко его смотрю, но всё же надо наладить. А матери деньги платить надо.

— Сейчас посмотрим.

Васька хоть и был с глубокого похмелья, но сразу сообразил, что перегорел предохранитель. Совсем пустяк.

— У меня дома есть запасной. Сейчас принесу, и поставим, Агафья Степановна!..

Через двадцать минут Васька вернулся назад. Быстро вставил новый предохранитель, проверил работу телевизора и заодно показал бабке несколько квитанций почтовых переводов своей матери, чем очень сильно поднял свой авторитет в глазах религиозной старухи. Долгожданная десятка наконец-то приземлилась в его карман!

У винного магазина скопился уже огромная толпа. Ваське, при помощи нескольких знакомых, удалось протиснуться в самую середину.

Оживлённый гвалт висел в воздухе. Наконец стрелки часов показали без пяти минут два. Толпа замерла. Наступила волнующая тишина. Сейчас должно было произойти что-то очень значительное! И вот... О Боже! Наконец-то магазин открыли! Грузчик, изнутри отворивший двери, с ловкостью циркового акробата сиганул через прилавок к продавцам — только ноги мелькнули! Толпа ввалилась в магазин. Васька, зажав в одной руке купюру и небольшую сумку, упорно пробивался к прилавку.

Кругом стоял страшный шум, маты, слышался звон разбитых бутылок. В дальнем углу магазина ошалело орала придавленная старуха. Счастливы, которым удалось купить водку, так же настойчиво пробивались к выходу.

Трое парней, держа большие сумки и яростно матерясь, лезли прямо по головам. Стояла сильная духота... Васька, весь обливаясь потом, помаленьку продвигался к намеченной цели. Вот он, всё ближе и ближе, заветный прилавок! Ну ещё, ещё немного! И вот она — рядом, мадонна в белом халате! Васька, весь торжествуя в душе, протянул кусок бумажки...

Бережно, как большую драгоценность, прижимая к груди сумку, протискался к выходу. Немного отдышавшись на летнем воздухе, пошёл домой.

«Всю не буду, — подумал Васька: знал по горькому своему опыту, что если он выпьет всю бутылку сегодня, то завтра ему будет ещё хуже. — Половину выпью, и хорошо!..» До дома оставалось совсем немного, но роковая арбузная корка сыграла трагическую роль! Не заметил её, поскользнулся, упал со всего маху на асфальт и... о Боже! Грохнул из сумки ужасающий звон, и у него всё опустилось внутри!

Васька некоторое время отупело смотрел на драгоценную жидкость, медленно растекавшуюся по асфальту из сумки. Потом, уткнув голову в колени, зарыдал горько, как ребёнок:
— Да что же это?! А?!..

Василий Николаевич Иванов был невезучий с самого рождения.

Тупик

Век живи — век учишь, и дураком помрёшь.

Старинная русская пословица

Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

Шекспир

Анатолий Сергеевич Наумов, высокий худощавый мужчина двадцати пяти лет, преподавал физику и математику в деревенской школе. В этой деревне он родился, и здесь прошли его детские годы. Окончив школу, уехал в город и поступил в педагогический институт. Но не затянула его городская жизнь, и, получив диплом, он вернулся на родину.

С детских лет он был убеждённым атеистом до мозга костей и всегда непоколебимо верил во всемогущую силу человеческого познания. За несколько лет работы много вопросов задавали ему ученики, и он всегда находил на них правильные ответы...

Май 1997 года. Урок физики в одиннадцатом «В» подходил к концу. Наумов произнёс традиционную фразу:

— У кого есть какие-нибудь вопросы по теме? Что непонятно?

Класс молчал. Вроде всем всё было ясно. Но вот за дальним, последним столом руку поднял Миша Комаров — маленький щуплый паренёк с бледным, невзрачным лицом. Учитель насторожился, хотя внешне это было незаметно. Этот ученик редко задавал вопросы, но они у него были всегда такие каверзные, что Наумов с большим трудом отвечал на них. Иногда даже через несколько дней. Спасала очень большая библиотека научной литературы, которая была у него в доме. Она вмещала в себя очень большое количество книг по физике, химии, философии, биологии и многим другим наукам. Анатолий очень гордился своей библиотекой и щедро позволял пользоваться ей другим учителям и ученикам.

— Я слушаю тебя, Миша!

— Анатолий Сергеевич! У меня к вам есть семь вопросов. Но я думаю, вам лучше их записать.

— Хорошо.

Наумов достал из кармана записную книжку. Открыл её и взял лежавшую на столе ручку. Комаров заговорил спокойным, уверенным голосом: — Вопрос первый. Мы знаем из теории Дарвина, что человек произошёл от обезьяны. Человечество существует уже многие сотни лет. Почему за всё время существования человечества ни разу не наблюдался этот процесс — процесс превращения обезьяны в человека? Или хотя малая часть этого процесса? Вопрос второй. Молекула, как известно,

состоит из атомов. Атом, в свою очередь, состоит из протонов и электронов. Но электрон должен тоже из чего-нибудь состоять!.. Допустим, мы узнали, что электрон состоит из каких-то частиц. Но эти частицы опять же должны из чего-то состоять и так далее. А где конец?! Конца-то нет! Где маленький кирпичик мироздания?! Я говорю логично?!

— Да,— подтвердил Наумов, быстро записывая вопросы в книжку.

— Третье. Благодаря Солнцу существует всё живое на Земле, в том числе и люди. Благодаря науке мы знаем, что на Солнце происходит термоядерная реакция: водород превращается в гелий. Так?

— Это верно. Но на Солнце протекают и другие термоядерные реакции,— дополнил Наумов.

— Допустим. Но дело не в этом. Солнце существует очень многие сотни лет. Ничуть не меньше человечества. И столько же времени идёт там эта реакция! Получается, что Солнце—водородная бомба! Очень замедленного действия!

— Я не могу понять сущность этого вопроса,— сказал Наумов.

— Извольте. Скажите, Анатолий Сергеевич, Солнце—материальное тело?

— Конечно же! Существует только материя, и ничего больше!

Лёгкий смешок прокатился по классу. Но Комаров продолжал невозмутимо:

— Эти реакции идут на Солнце многие сотни лет. Если бы они стали идти медленнее, то Солнце давало бы меньше энергии, и на Земле воцаряется холод! Допускаем обратное: реакции пошли быстрее. Земля получает намного больше тепла, а это губительно для жизни! В конце концов, может произойти взрыв! Весь водород превращается в гелий! Как в водородной бомбе! Погибает всё живое! Так?

— Не спорю. Всё так,— согласился Наумов.

— Однако ничего этого за сотни лет не произошло. Значит, термоядерные реакции идут там всё время с постоянной скоростью! Странно. Многие сотни лет с постоянной скоростью! Там никто ими не управляет? Кочегара там, случайно, нет?

Опять лёгкий смех прокатился по классу. Анатолий сказал твёрдо:

— Кочегара, конечно, там никакого нет и быть не может! Всё происходит по законам природы! А почему они происходят с постоянной скоростью—я постараюсь ответить на это. Дальше?

— Вопрос четвёртый. Как известно, за всё время существования человечества наша планета Земля вращается с одной и той же постоянной скоростью, а именно: делает один оборот вокруг своей оси за двадцать четыре часа. А почему не быстрее? Или медленнее? Кстати, не так давно учёные установили: замедление или увеличение скорости вращения вокруг оси очень отрицательно скажется

на живой материи! Нельзя Земле вращаться ни быстрее, ни медленнее! Но ведь она сама вращается! Никто же её не крутит! Почему с постоянной скоростью? Пятое. Скажите, Анатолий Сергеевич, как появилась живая материя на Земле?

— Сначала на Земле была только неживая материя! Потом, при определённых условиях, в результате сложных химических реакций появились простейшие живые клетки! Это было начало жизни на Земле! Они размножались, превращались во всё более сложные организмы... Это был очень длительный процесс! Он привёл к очень разнообразным формам жизни, которые мы сейчас имеем на планете.

— Допустим. Строение самой простой клетки мы знаем. Ведь многие учёные пытались искусственно создать живую клетку из неживой материи. Почему у них это не получилось? Имели такой мощный научный потенциал, но ничего не добились.

— Я постараюсь ответить на этот вопрос,— сказал Наумов, быстро записывая вопросы в записную книжку.

— Шестое. На Земле много морей и океанов. Реки и ручьи берут начало из Земли. В течение очень многих лет из недр планеты вытекает на поверхность огромное количество воды! Откуда она там берётся? На дожди нельзя всё сваливать. Они же не льются каждый день по всей Земле. И наконец, последний вопрос. Почему вся природа работает на пользу человеку? Почему она так гармонично и правильно устроена? Её же никто не создавал. Существует очень много наук, и в каждой свои законы. Почему все эти науки тоже приносят пользу человеку?

— Хорошо, Миша! Я постараюсь ответить на эти семь вопросов!

Но через несколько дней...

Наумов обладал очень хорошими знаниями не только в физике и математике, но и в некоторых других науках. На очень многие вопросы учеников он отвечал самостоятельно, не прибегая к помощи своей библиотеки. Но в этом случае он сразу твёрдо понял: без её помощи ему не обойтись... Придя домой из школы и наспех поев, сразу решительно взялся за дело. Просмотрел очень много книг, но первый день не принёс успеха. На второй день, вечером, к нему зашёл близкий друг детства—Виктор Логинов, который работал учителем физкультуры в этой же школе. Они вместе поступали и закончили один и тот же институт, но по разным специальностям. Высокий, крепко сбитый, спортивного телосложения, Логинов, зайдя в дом к другу, очень удивился. Весь пол комнаты был завален огромным количеством книг. А Наумов, с бледным лицом, сидя посередине на стуле, сосредоточенно просматривал одну из них.

— Что за дела, Толя?! Какой бардак же у тебя!

— Да вот, чёрт побери! Мишку Комарова знаешь из одиннадцатого «В»?

— Знаю, конечно. А что?

— Задал мне семь вопросов, и пока ни на один не нашёл ответа! Упарился весь — и никакого толку! — Не беда! Найдёшь! Библиотека у тебя богатая, — уверенно произнёс Виктор. Добавил далее: — Приглашаю тебя на мой день рождения! Он у меня послезавтра. Двадцать пять стукнет. Придешь к семи вечера?

— Спасибо за приглашение! Приду, конечно.

— Лады.

Немного помолчав, Виктор спросил:

— А что хоть за вопросы?

Наумов достал из кармана и молча протянул ему записную книжку. Логинов уселся прямо на книги и быстро их прочитал. У него было сейчас хорошее настроение, и поэтому захотелось пошутить.

— И чего ты ломаешь голову, Толик? Я бы этому молокососу ответил так. Ну не хотят больше обезьяны превращаться в людей! Им и так хорошо живётся! Еда есть, вода есть, крыши над головой не надо! Радуйся жизни да размножайся вдоволь! Зачем им лишние проблемы? Обувь, одежда, алкоголь, наркотики, тюрьмы и так дальше... Ха-ха-ха! И спиды у них нет, сифилисы и прочих гадостей! В армию идти не надо! Что они, дураки — опять в людей превращаться? Один раз попробовали, и хватит! Лишние только заботы наживать! И работать им не надо! Ха-ха-ха! Второе. Есть атом? Есть. Есть электрон? Есть. Чего тебе ещё надо? Чего лезть куда тебя не просят? Ведь всё равно всё не узнаешь, молокосос! Третье. Чем тебе, Миша, Солнышко наше на нравится? Светит всем, греет всех, ну и ладно! Радуйся жизни, дурачок, да за девками бегай, чем голову ломать, почему оно не взрывается. Ха-ха-ха! А то и вправду возьмёт ещё да и взорвётся! Бери жизнь за горло, пока оно светит да Земля вращается! Пятое. А зачем клетку живую человеку делать? Их и так до фи́га на нашей планете! Зачем зря голову ломать? Шестое. Что, не нравится, что вода из Земли постоянно идёт? Хочешь, чтобы совсем перестала? От жажды загнёшься, пацан! Седьмое. Человек — хозяин на Земле, и поэтому вся природа и науки работают на него, — весело улыбаясь, закончил Логинов.

Наумов только молча смотрел на него и ни разу даже не улыбнулся во время этой весёлой речи. Уже серьёзно Виктор добавил:

— Ох, не люблю я эти высокие материи! То ли дело спорт! Здесь всё просто и понятно! Забил лишний гол-два — ты на коне! Пробежал быстрее, прыгнул выше — твоя победа!

Наумов тяжело вздохнул.

— Чувствую я, не найду ответа ни на один вопрос! И библиотека не поможет! И знаешь, к какому я пришёл выводу в результате этих исканий?

— К какому же?

— Не только в нашем мире одна материя существует! Ошиблись господа материалисты! Что-то есть такое, о чём мы никогда подробно не узнаем. Возможно, Высший разум есть во Вселенной...

— Тогда уже говори прямо — Бог!

— А что? Ты обрати внимание, Виктор, на одну вещь. Сколько разных теорий было за всё время существования человечества! И все они рано или поздно рассыпались, превращались в прах! А религия как появилась с самого начала, так и до сих пор живёт! Взять то же христианство. Библия, например, очень древняя книга, а жива до сих пор и не претерпела никаких изменений.

Логинов удивлённо смотрел на своего друга.

— И это говорит закоренелый атеист Анатолий Наумов?! Ну и дела!

— Завтра я заканчиваю просмотр своей библиотеки. А затем выберу время, съезжу в райцентр и куплю там Библию. Надо обязательно её почитать.

— Зря, зря, Толик! Может, просто вопросы несурные?

— Да нет. Вопросы нормальные.

— Не паникуй. Ты ещё не все книги просмотрел!

— Знаю, завтра закончу...

Наступил третий, последний день. Уроков у Наумова было мало, и домой он пришёл рано. Опять наспех поев, снова взялся за дело. Летит в сторону одна книга, вторая, третья... Вот, наконец, и последняя! Но и она не выручила! Всё. Конец. Анатолий Сергеевич устало опустил на стул, тупо устремив взгляд в противоположный угол комнаты. И тогда, весь дрожа от охватившего его большого волнения, понял он, что на вопросы этого простого деревенского паренька не сможет ответить ни один человек в мире! Ни сейчас, ни в далёком будущем. Никогда. И что попал он в самый настоящий тупик, из которого нет и не будет выхода. Никогда.

Судьба перестраховщика

*Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.*

Из песни Владимира Высоцкого,
которая исполнялась в фильме
«Бегство мистера Мак-Кинли» (1975)

Андрей Степанович и Нина Петровна Первушины, состоя с молодых лет в законном браке, прожили вместе долгую и счастливую жизнь. Вырастили и воспитали троих детей, проработали очень долгие годы, до ухода на пенсию, на одном и том же металлургическом заводе. Совсем недавно Андрею Степановичу «шмякнуло» семьдесят лет, жене было шестьдесят семь. Всё бы хорошо, живи да радуйся жизни! Но в последнее время вопрос жизни и смерти стал очень сильно беспокоить Андрея Степановича. Вроде и здоровьем Бог не

обидел, причин не было беспокоиться, а тревога за свою жизнь постепенно всё чаще и чаще охватывала его. Он перестал смотреть по телевизору фильмы, в которых были эпизоды, хоть в малейшей степени, прямым или косвенным образом, показывающие человеческую смерть. Перестал читать такие же книги. Число читаемых газет сократил до одной — местной городской. Всё же он не хотел полностью оторваться от окружающего мира, но всякая информация о смерти вызывала у него очень тревожное состояние. На дворе стояло лето 1998 года.

Андрей Степанович лежал в зале на диване и читал свежую местную газету. Жена готовила ужин на кухне. На последней странице его внимание привлекло небольшое сообщение, обведённое чёрной рамочкой: «Администрация завода „Стройиндустрия“ с глубоким прискорбием сообщает, что 10 июля в автокатастрофе, на 45-м году жизни, трагически погиб председатель совета директоров предприятия Дмитрий Юрьевич Митин. Выражаем глубокое соболезнование семье, родным и близким покойного. Вынос тела состоится 13 июля, в 14:00 часов, из Дома культуры завода „Стройиндустрия“».

У Первушина слегка закружилась голова. Он сразу представил себе разбитую вдребезг легковую машину, толпу зевак, скорую помощь рядом, ГАИ... А самое главное — себя! Всего в крови, лежащего с разбитой головой около покорёженного автомобиля! Он резко отшвырнул газету в сторону и прошёл на кухню.

— Вот, Нина! Сейчас прочитал в газете: в автокатастрофе погиб председатель совета директоров «Стройиндустрии» Митин!

— Да ты что?!

— Вот тебе и что! Сорок пять лет. Помнишь, сколько раз его по телевизору показывали? Такой молодой! Сорок пять лет. А как красиво и здорово он выступал! Энергичный такой!

— Конечно, помню, Андрюша! Много раз его показывали...

— И всё! Больше никогда не покажут! Был человек — и нету. А как он хорошо жил эти годы! Такая должность! Имел всё, что хотел! Как сыр в масле катался! Всё. Ничего ему теперь не надо: ни денег, ни почёта, ни машины, ни семьи...

— Царство ему небесное! — тяжело вздохнула Нина Петровна.

— А если бы не эта поганая катастрофа, сколько бы лет он счастливо прожил? Очень и очень много! Нелепо. Ох как нелепо!..

На следующий день, во время обеда, супруга спросила Первушина:

— Андрюша! Ты не забыл? Через три дня — воскресенье. Ты обещал свозить внуков в цирк. Там, говорят, такое пышное представление! Весь зал переполнен!

— Я помню. Конечно, сходим.

— Сынок купил уже заранее три билета. На тебя и внуков. Он звонил недавно мне по телефону и сказал, что отвезёт всех вас на своей машине. Зачем маяться в общественном автобусе?

— На машине мы не поедём! — резко сказал Андрей Степанович.

Жена удивлённо посмотрела на него:

— Как? Почему?

— А так. Совсем люди с ума посходили! Напридумали, настряпали всяких машин: «Волги», «Жигули», «Тойоты», джипы, «Вольво», «Газели»! Скоро «Козлы» по улицам будут гонять! Чёрт знает что! Аварии на каждом шагу! Мы пойдём пешком.

— Пешком?! Ты шутишь, что ли?! Ладно бы близко было. Больше часа надо до цирка идти!

— А мне плевать! Я по пути внукам все достопримечательности нашего города покажу! Исторические места покажу! Им интересно будет. А в машине бац — и в цирке! Разве город толком они разглядят? Успеют ещё с отцом накататься!

— Ладно, внуки большие. Но ты ведь в возрасте, Андрюша! Не тяжело ли пешком топтать столько времени? — не унималась Нина Петровна.

— Мне? Тяжело? Не говори глупостей! Вот в таком возрасте как раз и очень полезно ходить пешком!

Спроси любого врача, даже студенткишку медицинского института! Тебе скажут то же самое! Отстаёшь от жизни, Нинуля, отстаёшь! И тебе надо как можно больше ходить пешком! А то всё машины, машины! Я такую купил, он такую! Чем хвастаются, дурачье? Что больше отравы от бензина в атмосфере прибавится, да?! Эх, будь моя воля, я бы эти машины... — Первушин крепко сжал кулак и веско сказал: — Вот где держал!

Жена смотрела на него широко открытыми глазами.

— Ну ладно, Андрюша! Я же не спорю. Хочешь пешком — иди пешком...

Так и было сделано. Поход в цирк дед с внуками совершил «на своих двоих». Внукам уже приелась отцова машина, и они шли с большим удовольствием. Тем более по пути Первушин охотно показывал им городские и исторические достопримечательности и интересно о них рассказывал. Настроение после этого похода у него было очень хорошее.

Но через два дня после этого он прочитал в газете трагическое сообщение о том, что в автокатастрофе погиб заместитель генерального директора их родного металлургического завода Большаков. Первушин сразу представил огромную кучу дымящихся обломков самолёта, пожарных в суете и другие спецслужбы... А самое главное — окровавленные куски своего тела! Боже мой! На душе сразу стало очень нехорошо. Лицо сделалось мрачным, как во время похорон. Сказал жене:

— Плохая новость, Нина! Сейчас только прочитал в газете: в авиакатастрофе разбился зам нашего генерального директора Большаков!

— Ох, беда-то какая! Под шестьдесят ещё мужику! Не старый. А какой приветливый был да внимательный! Особенно к нам, ветеранам! По любому вопросу к нему можно было зайти.

— Теперь уже не зайдёшь!

— Земля ему пухом! — тяжело вздохнула супруга...

Спустя два дня Андрей Степанович смотрел телевизор. Жена только что пришла из магазина и сразу подошла к нему.

— Ох, плохая новость, Андрюша!

Первушин сразу резко выключил телевизор.

— Что такое?!

— Соседку-то нашу с первого этажа, Елену Ефимовну, поездом убило!

— Как убило?!

— Ты же знаешь, она летом часто ездит на дачу. Торопилась, шла на остановку, чтобы успеть на электричку! А ей навстречу — чётный поезд! Она свернула на другую линию, а сзади — нечётный! Из-за шума первого поезда не услышала второго! Машинист сигналил и тормозил, а что толку! Скорость большая, сразу не остановишь! Говорят, одни куски собирали. Голову аж в кустах нашли! Разметало бедную на мелкие части!

Андрей Степанович живо представил стоящий поезд, толпу людей и самое главное — свою голову в кустах и окровавленные куски своего тела, разбросанные по всей линии! Сердце забилось у него очень часто. Стало тяжело дышать, и он сильно побледнел. Сказал слабым голосом:

— А ведь ей было-то всего пятьдесят пять! Недавно только на пенсию пошла. Внуков успела нажить! Всё. Не нужны теперь ни внуки, ни дача, ни муж. Всё!

— Какая страшная смерть! — грустно произнесла Нина Петровна...

Через три дня супруги обедали на кухне. Нина Петровна была в хорошем настроении и охотно говорила о том о сём.

— Андрюша! Я недавно посетила наш завод и знаешь что узнала? Всем ветеранам дают путёвки на курорт и в санаторий, в Сочи! Помнишь, мы молодыми несколько раз туда ездили? Отличное питание, свежий воздух, море, пески и пляж! И главное — почти бесплатно! Двадцать процентов платят от стоимости путёвки.

— Ну и что?

— Как ну и что? Ох, какой ты у меня стал непонятливый, Андрюша! Туго до тебя доходит. Возьмём две путёвки и съездим, отдохнём. Поправим здоровьишко. Можно самолётом, а лучше — поездом! В пути места разные посмотрим, города...

— Нет, я не поеду! И тебе не советую! — резко сказал Первушин.

— Как так? Почему?

— Да потому. Я много раз читал в газетах, что на юге у нас образовалось очень много озоновых дыр. Ультрафиолетовое излучение проникает в кожу, и появляется рак! Что ты смотришь на меня большими глазами? Газеты надо читать — читать и на ус мотать! От жизни отстаёшь, Нинуля!

— Но ведь многие ветераны уже взяли путёвки!

— Ну и чёрт с ними! Если у них кумпол не работает, пускай едут, рак зарабатывают! Они начнут с крыши головой вниз прыгать — и нам, что ли? И второе. Читал, что в Сочи и вокруг него очень много криминала! Грабят на каждом шагу, убивают... Милиция не может всех выловить.

— Ох, ужас какой. Ладно, остаёмся дома.

— То-то же...

Через несколько дней Нина Петровна поехала в гости к сыну Илье, который жил на окраине города, заночевала у него и на следующий день к обеду вернулась домой. Супруг её спал на диване не очень глубоким сном.

— Как там сын, внуки?

— Все живы-здоровы. Тебе передают большой привет. Ох, что я сейчас видела, Андрюша! У соседнего дома, напротив нашего, стоит большая толпа. В чём дело, думаю? Подхожу ближе и вижу: у самого подъезда лежит труп! Молодая женщина, хорошо одетая. А как получилось? Она жила в том подъезде, пошла в магазин за хлебом, а в этот момент пацаны играли на чердаке и нечаянно уронили кирпич. Он угодил ей прямо в висок. Сразу насмерть!

— Сколько ей лет? — тихим голосом пролепетал Андрей Степанович.

— Говорят, двадцать восемь лет. Двое детей остались без матери!

— Да. Нелепая, ненужная смерть. Такая молодая!.. А недавно, Нина, я прочитал в газете. Вчера в десять часов вечера прямо в центре нашего города две крупные преступные группировки устроили большую перестрелку. Разбирались между собой. Есть убитые с обеих сторон. Но дело не в этом. Случайно в этом месте оказалась девушка шестнадцати лет. Возвращалась домой от подруги. Две шальные пули попали в неё. В голову. Тоже насмерть!

— Ох, ужас какой! — чуть не застонала Нина Петровна. — Ни за что погибла деваха! Хоть задержали кого?

— Кого там! Преступникам удалось скрыться. Пока наша милиция раскачается... Сама знаешь. Но дело вот в чём. Ладно, надо вам разобраться. Взяли бы, как в старину на Руси делалось, выехали рано утром в чистое поле, где посторонних людей нету, и пуляйте друг друга сколько вам влезет! Хоть все до единого друг друга перебейте — чёрт с вами! На то вы и бандиты. Зато невинные люди будут живы!

— Правильно говоришь, Андрюша! Лень им в чистое поле выехать, лень! А ведь машины есть

у каждого. В старину воины на конях биться в чистое поле выезжали, а эти на машинах выехать не могут! Позор, да и только!

Супруг продолжал далее:

— А возле нашего магазина хоть не каждый день, но очень часто человек восемь-десять кавказцев стоит. Что-то разбираются между собой, кричат. Ведь тоже мафия. Кто знает, что у них на уме? В любой момент могут пальбу открыть! А я и ты часто в этот магазин ходим! Хлеб там всегда свежий, мягкий такой. Вот и прилетит шальная пуля! Хлоп в лоб — негу нас! Всё.

— А ведь верно говоришь, Андрюша! Действительно, могут пальбу открыть, им всё сейчас разрешено. — Слушай меня внимательно, Нина! Я тебе даю хороший совет. Когда пойдёшь в магазин и там будешь стоять кавказцы — будь начеку! Следи за ними внимательно. В случае пальбы не медли, сразу падай на землю лицом вниз и не шевелись! Даст Бог — останешься жива!

— Поняла, Андрюша!

— А сейчас я сам схожу в магазин. Надо хлеба купить и сливочного масла.

Андрей Степанович спокойно, не торопясь, спустился в лифте на первый этаж. Мысль о женщине, убитой кирпичом, не покидала его. Он очень осторожно открыл наружную входную дверь подъезда и, медленно отойдя немного от подъезда, устремил взгляд на крышу дома. Всё было спокойно. Ласково щебетали птицы. Он не сразу заметил на скамейке пожилую соседку, которая внимательно наблюдала за ним.

— Добрый день, Андрей Степанович! Что это вы вверх смотрите?

— Здравствуйте, Ольга Павловна! — немного смутился Первушин. — Да вот люблюсь... Погода сегодня очень хорошая! Прямо замечательная! Солнышко такое яркое светит, птички щебечут, ни одного облачка.

— Да, верно, погода сегодня — прелесть! Можно полюбоваться.

Он подошёл к ней поближе и сел рядом на скамейку.

— За всю эту красоту должны мы Господа Бога благодарить, — продолжала соседка. — Он всё создал на Земле! Воду, воздух, леса, животных, моря, человека. Живи да радуйся, человеке! А во всех пакостях, что на нашей Земле творятся, люди сами виноваты! Сатана их соблазняет на грехи.

— Согласен с вами, Ольга Павловна! Но хочу спросить, вы же Библию изучали. Почему Господь не дал человеку жизнь вечную? Или хотя бы лет двести — двести пятьдесят жить? Умирать ведь никому не хочется, кроме самоубийц.

— На это есть ответ в Библии. Прародители наши, Адам и Ева, не послушались совета Господа, согрели в Эдемском саду — поели плодов с дерева познания добра и зла. Вот и не дал Господь человеку вечную жизнь! Болезни нам дал, старость и всё прочее. Впрочем, могу вам дать Библию почитать. Там интересно обо всём написано.

— Хорошо. Немного попозже я у вас возьму эту книгу. А сейчас надо сходить в магазин.

Ещё находясь далеко от магазина, он сразу увидел кавказцев. Их было восемь человек. Они стояли около четырёх иномарок и о чём-то горячо спорили на своём языке. Первушин весь покрылся липким потом. Сердце учащённо забилося, во рту всё пересохло. Не спуская с них цепкого взгляда, медленно зашёл в магазин. Купив хлеба и масла, вышел наружу. В этот момент двое кавказцев быстро стали залезать в машину, двое — в другую. Остальные что-то резко стали кричать им вслед. У него всё опустилось внутри. Слегка задрожали руки и ноги. В голову била одна только мысль: «Неужели стрельба?! Неужели?» Он стоял на месте, не спуская с них напряжённого взгляда, готовый в любую секунду упасть на землю. А две иномарки резко тронулись с места и направились по городской улице. Оставшиеся четверо, спокойно и смеясь, опять заговорили между собой. Радостный и облегчённый, Андрей Степанович направился домой... С этого момента он ограничил себя во многом. Совсем отказался от спиртного, даже от пива и даже в праздники. Бросил курить, хотя и так курил очень мало. Очень редко стал навещать детей и внуков. Поездки на курорты и в дома отдыха были забыты. Старался как можно реже выходить из дома.

Правда, питался полноценно, ограничивая себя только в мясных блюдах. Чтение газеты и книг да просмотр телевизионных передач — это основное его занятие. Так он прожил два года. И всё же умер в возрасте семидесяти двух лет, в ясный, солнечный летний день, в своей квартире, на диване. В руке его была крепко зажата газета с очередным сообщением об автокатастрофе.

Постскриптум

А жена его, Нина Петровна, вела более свободный образ жизни. Умеренно, иногда, принимала спиртные напитки. Часто ездила в гости, летом — на природу и так далее. В общем, наслаждалась жизнью по возможности. Умерла она, когда ей было восемьдесят семь. Пережила мужа на пятнадцать лет. Вполне возможно, что если бы Андрей Степанович так сильно не страховал свою жизнь, то продлил бы её намного больше.